



Н. БЕРДЯЕВ

В защиту А. Блока *

Статья Петроградского священника, уже умершего, об А. Блоке не может быть названа грубым богословским судом над поэтом. Она написана не в семинарском стиле. Автор человек культурный и тонкий. В статье этой есть большая религиозная правда не только о Блоке, но, быть может, и о всей русской поэзии начала XX века. И вместе с тем в суде над Блоком есть большая несправедливость и беспощадность. Подлинный поэт имеет другие пути оправдания, чем аскеза и духовное восхождение. Статья о Блоке, в сущности, ставит с религиозной точки зрения под вопрос самое право на существование поэта и поэзии. Можно было бы показать, что все почти поэты мира, величайшие и наиболее несомненные, находились в состоянии «прелести», им не дано было ясного и чистого созерцания Бога и мира умных существей, их созерцания всегда почти были замутнены космическим прельщением. Если для Данте сделают исключение, то не за Беатриче, а за ад, в который он столь многих послал. Это есть самая большая и мучительная проблема поэзии: она лишь в очень малой степени причастна Логосу, она причастна Космосу. В поэзии Блока стихия лирическая нашла себе самое чистое и совершенное выражение. Русский поэтический ренессанс начала XX века заключал в себе смертоносные яды, и в него вошли элементы онтологического растреления (говорю онтологического, а не морального). Но о Блоке должен быть совершенно особый разговор. А. Блок — один из величайших лирических поэтов. По нему можно изучать природу лирической стихии. Когда мне приходилось разговаривать с Блоком, меня всегда поражала нечленораздельность его речи

* «Дневник» А. Блока, трогательный по своей правдивости, простоте и скромности, вполне подтверждает мою характеристику.

и мысли. Его почти невозможно было понять. Стихи его я понимаю, но я не мог понять того, что он говорил. Для понимания нужно было находиться в том состоянии, в каком он сам находился в это мгновение. В его словах совершенно отсутствовал Логос. Блок не знал никакого другого пути преодоления и просветления душевного хаоса кроме лирической поэзии. В его разговорной речи еще не совершалось того прекрасного преодоления хаоса, который совершался в его стихах, и потому речь его была лишена связи, смысла, формы, это были какие-то ключья мутных еще душевных переживаний. Блок не мог претворить душевно-космический хаос ни интеллектуально, через мышление и познание, ни религиозно, через веру, ни мистически, через созерцание божественного света, ни нравственно, через нравственное различие и оценку, он претворял его исключительно через лирическую поэзию. Это был безнадежный лирик. Мне всегда казалось, что у Блока совсем не было ума, он самый неинтеллектуальный из русских поэтов. Это не значит, что у Блока был ум очень плохого и низкого качества, как это бывает у людей глупых, нет, он просто был вне интеллектуальности и не подлежит суду с точки зрения интеллектуальных категорий. Для философии Св. Фомы Аквината, которая видит в интеллекте самую благородную часть человека, соединяющую его с подлинным бытием, Блок был бы затруднителен. Он, может быть, был выше ума, но ума в нем не было никакого, ему чуждо было начало Логоса, он пребывал исключительно в Космосе, в душе мира. И его собственная душа была совершенно беззащитной, ничем не бронированной, совершенно обезоруженной. Он очень отличается от Пушкина и Тютчева, которые были необыкновенно умны и знали другие пути восхождения кроме лирических. Очень отличается Блок и от других поэтов начала XX в., например от Вячеслава Иванова, который не обладает поэтическим гением равным блоковскому, но творчество которого есть пиршество ума, утонченной интеллектуальности. Трагическая и страдальческая судьба Блока есть судьба беззащитной, обнаженной лирической души, которая способна противопоставить темным космическим волнам лишь поэзию¹. Но и о ней он говорит:

Для иных ты и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад².

Блок принадлежал эпохе и среде, которые идеализировали беззащитность и готовы были видеть в ней высшее состояние. Для лирики Блока характерно, что она не узка по своему объ-

ему, как у некоторых второстепенных поэтов, наоборот, это всеобъемлющая универсальная лирика. Эта лирика связана не только с переживаниями любви, но и с судьбой России, и с исканием Бога и Царства Божьего. Весь мир и все в мире делается материалом лирического претворения, и на все существует лишь лирический ответ.

Судьба Блока ставит очень глубокую метафизическую проблему. У Блока была гениальная индивидуальность поэта, но не было личности. Личность есть уже защита, она может противостоять Космосу, она делает различия и обезоруживает прельщения. Личность причастна Логосу, она не может быть лишь в Космосе. Космос сам по себе не создает личности, он создает лишь индивидуальность. Личность создает лишь Логос. Но Блок был целиком погружен в стихию Космоса, он все видел в ней и через нее. Поэтому, не имея личности, вкорененной в Логосе, он видит лишь мутные лики в Космосе. Душа Блока исключительно женственная космическая душа, в нем совершенно отсутствует мужественный дух. Он был романтиком в том смысле, что в нем дух был совершенно погружен в душевно-космическую стихию и пленен ею. Он не знал свободы. Менее всего можно про Блока сказать, что в нем было демоническое начало, но он был незащищен перед демоническими началами. Как это ни странно, но в нем был своеобразный пугливый морализм, совсем не мужественный. Он, например, моралистически боялся «демонического» начала в Вяч. Иванове³. Он мог быть пленен и прельщен обманами зла, но он зла не хотел и боялся зла. Уродство и небытие являлось ему нередко в обманчивых образах красоты, но хотел он увидеть лицом к лицу красоту Космоса. С этим связаны мотивы Прекрасной Дамы. Замечательно, что Блок всегда упорно сопротивлялся всяким догматическим учениям и теориям, догматике православия и католицизма, догматике Мережковского⁴, догматике Р. Штейнера⁵ и многочисленным догматикам В. Иванова⁶. В его понятие о честности входило сопротивление догматике. Но он был незащищен пред соблазнами и обманами космической жизни. Блок идеализировал незащищенность. У Блока была большая тоска по космическому преображению в красоте. Была минута, когда он в большевицкой революции пытался увидеть начало космического преображения и Прекрасную Даму. Потом он с ужасом оттолкнулся от ее уродства. Дара различения духов у него не было, но поэзии его присущ пассивный пророческий дар, он знал, что будет с Космосом, но не знал того, что исходит от Логоса. Он был лишен духовной мужественности, душа его вечно

трепетала от космических вихрей, уносилась в снежные метели. И А. Белый кружится космическими вихрями. Но А. Белый не исключительно лирическая натура, он вечно рассуждает, мыслит, строит теории, оккультические или философические, любит схемы, полон интересов интеллектуальных, он явление смешанное, менее чистое и менее жертвенное, чем Блок.

Можно ли произносить над Блоком религиозный суд и каков будет этот суд? Возможность религиозного суда над поэтом есть очень сложная проблема. Очень легко осудить всех поэтов и всю поэзию. Вл. Соловьев пытался это сделать относительно Пушкина и очень неудачно. Он присвоил себе прерогативы Божьего суда. В сущности, тут ставится и решается вопрос о смысле не только поэтического и художественного творчества, но и всего человеческого творчества. Творчество совсем не связано со святостью. Творчество связано с грехом. Оно, подобно платоновскому Эросу, есть дитя от двух родителей — бедности и богатства; ущербности, недостатка, беспокойства, томления и избытка сил, щедрости, жертвенной отдачи себя. Творящий отличается от созерцающего Божественный свет и обретающего покой в Боге. Это другой путь, другое призвание, другой дар. Природа творческого акта брачная, в нем человек не один, он встречается и взаимодействует с другими, с Богом, с миром и с дьяволом, с ангелами, людьми и демонами. В этой брачной творческой встрече человек может быть активен и пассивен, мужественен и женственен, в нем может преобладать начало Логоса и начало Космоса. Но всегда что-то привносится от изначальной, предмирной свободы человека, в преобразование мира, в уготовление нового неба и новой земли. Творчество нужно не для спасения человеческой души, а для уготовления Царства Божьего, для Его полноты. Сами творческие искания и блуждания человека имеют значение для уготовления и преобразования мира, для нового неба и новой земли. Творческая тоска поэта по космическому преобразению и космической красоте служит уготовлению нового неба и новой земли, хотя бы поэт и не видел последних реальностей. В мир преобразенный войдет творческое воображение и видение поэта, войдут его образы, как особого ряда реальности. Душа России и русского народа была так же незащитна, как душа Блока, Логос не овладел в этой душе Космосом. Россия на новом небе и на новой земле будет и такой, какой ее видел и воспевал в своих изумительных стихотворениях Блок. Видение же поэтом мира бесовского, демонического служит обнаружению света. Какой скорбный путь прошло русское творчество от Пушкина до Блока, от первого

нашего поэтического возрождения александровской эпохи до нашего второго поэтического возрождения начала XX века! Пушкин знал много горестей и печалей, но знал и творческую радость, райскую легкость. Блок знает только горе, печаль, тоску и ад. Но можно ли за это в него бросить камень? Он так же принадлежит вечной, преображенной России, России нового неба и новой земли, как и Пушкин. Ее уготовляют не только святые, подвижники, очистившиеся, увидавшие Божественный свет, но и тосковавшие, мучившиеся, прельщавшиеся и падавшие, но устремленные к высоте, к жизни, преображенной в красоте.

